

РЕЗОНАНС

Имею право
на ответ

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ! Восемь лет печатаюсь в вашей газете, но впервые прочитал про себя публикацию Вячеслава Гутникова «Пародия на пародистов».

Я не хочу оправдываться в том, что я не хотел никого обидеть, поэтому отвечу басней, которая родилась после прочтения строчек рубрики «Творчество» (кавычки здесь очень кстати) в «ММ» от 19.07.2008. Думаю, что я имею право на ответ уважаемому автору. Пошлю в тему стихотворение «На», которое как никогда подходит к данной теме.

С уважением

АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ.

«На»

Общественность поражена,
Услышав букв созвучие.
Гремит везде: «Пошли все НА!
Доставли, блин, замучили!»

Понятно, жизнь порой сложна,
Как нынче вот, на сретенье.
Судьба нас посылает «НА»
В какой-то третьей степени!

Уж населению не до сна
Обидно спать, когда такое:
На «здрасьте» —
посылают «НА»
С потерей нервов и покоя.

Суть общежития — важна,
Без слок и кровоточия.
Звучащее повсюду «НА»,
Сведет нас к одиночеству.

Жизнь независимую прекрасна,
Она к нам — по-отчески
Давайте жить начнем без «НА»,
С душой, по-человечески!

Кроты и рифмы
(басня)

Посвящается товарищу,
обиженному на незлобные
пародии

Я знал по жизни господина,
Пардон, товарища знавал.
Он был юрист, поэт, машина!
Он словом бил всех наповал!

Но это слово, как и дело,
Не шло в народ, в болотах вязло.
Он черным обливал, что бело.
Так и увяз в борьбе и дрязгах!

Юрист критиковал на пять
Народ и тех, кто строил дачи.
Ну вроде,
что с физици-то взять,
Но нет, обидел — под раздачу!

Товарищ слыл во всем упертый,
Под поезд лез, прям на «путья».
Уж я согласен быть и чертом,
Лишь бы не плакало «дитя».

Лишь бы поэт не спал в юристе,
И жизнь за «подвиги» прощала.
Чтоб ветер дул,
шуршали листья,
Юриста Муза посещала.

Мораль

Строка не терпит суеты
И не родится в душах злобных.
От злобы люди — как кроты,
Их рифмы — о кротоподобных!

Автора романа «Я люблю» исключили из партии,
изгнали из Союза писателей

ИСКУПЛЕНИЕ КРОВЬЮ

«ММ» УЖЕ РАССКАЗЫВАЛ читателю о трагической судьбе писателя Александра Авдеенко, начавшего на Магнитке творческий путь знаменитым романом «Я люблю».

Перед Авдеенко открылась головокружительная карьера. Рабочий паренек стал членом Союза советских писателей, специальным корреспондентом «Правды» по Донецкому краю, написал к концу 30-х годов несколько десятков очерков, киносценариев, за один из которых жестоко поплатился...

В августе 1940 года в «Правде» под заголовком «Фальшивый закон» появилась статья о кинофильме «Закон жизни», автором сценария которого был наш земляк. Вот некоторые фразы из этой разгромной статьи: «клевета на советскую студенческую молодежь», «гнилая философия распушенности», «двурушничество». Писателя вызвали на совещание ЦК партии. На нем присутствовали Сталин, Жданов, Маленков, Андреев и президиум Союза писателей во главе с Фадеевым. Произошел жесткий «разбор полетов». Авдеенко исключили из рядов партии, изгнали из Союза писателей... «за моральное разложение и как буржуазного перерожденца». Так распяли журналиста, писателя и коммуниста, его отлучили от литературы, нигде больше не

печатая... В поисках куска хлеба бывший магнитогорский рабочий, ныне донецкий шахтер, стал помощником машиниста врубной машины на шахте папанинцев.

В первые дни войны Авдеенко закончил минометно-пулеметное училище и в звании лейтенанта участвовал в прорыве блокады Ленинграда. И по-прежнему писал корреспонденции, предназначенные для фронтовой газеты. Среди материалов, присланных Авдеенко редакции, одни были лучше, другие хуже, но его упорно не печатали. Д. Ортенберг в своей книге «Писатель на фронте» вспоминал, что в это время «Красной звездой» был задуман очерк об офицере, разжалованном в рядовые и подвигом искупившем свою вину. Поручили выполнение задания известным журналистам. Талантливо исполнил поручение только Александр Авдеенко. Он так и назвал очерк: «Искупление кровью».

Резолюция 1943 года решила судьбу человека и писателя, который к тому времени уже два года сам искупал на передовой свою вину за разгромленный сценарий фильма. За штрафника ходатайствовал ответственный редактор «Красной звезды» Вадимов: «Тов. Авдеенко является лейтенантом, служит в 131-й дивизии, ведет себя на фронте мужественно и пользуется уважением бойцов и командиров. Прошу разрешения печатать его очерки в «Красной звезде». Последовала главная резолюция: «Т. Поскребы-

шеву. Пусть печатают: Авдеенко искупил свою вину. Сталин».

Позже наш земляк вспоминал: «Воскресенье, 17 июля 1943 года. Великий день. Ко мне ввалилась большая ватага журналистов. Все необыкновенно приветливы, улыбаются, обнимают наперебой. Володя Карпов вручает мне сегодняшнюю «Красную звезду», только что доставленную самолетом. Я вижу на последней странице громадный трехколонник. Падаю на траву и плачу. Это были самые счастливые слезы в моей жизни». С этого дня редакция «Красной звезды» получила в Ленинграде еще одного боевого корреспондента.

Об Авдеенко говорили, что он добывал материалы будущих очерков в самом пекле боя. Чтобы написать очерк «Боевое крещение», он под пулеметным и минометным огнем через полузатопленные траншеи переправился в тыл врага, на «пяточок» площадь в семьсот метров по фронту и триста метров в глубину, и не один день там писал и воевал. Работая над очерком «На аэростате», Авдеенко залез в расщелину на солнце скрипучую корзину и поднялся в воздух артиллеристом-корректировщиком. После выполнения боевого задания в корзине насчитали восемь пробин от осколков немецких зениток.

В редакции высоко ценили материалы журналиста и охотно печатали их не потому, что они были написаны с профессиональным мастерством художника слова. Сила его очерков в точном знании фронтовой жизни, в их суровой правдивости. Во многих огневых переплетках побывал Авдеенко. Вспоминая свои «танковые» походы, он писал: «Самому себе лжет безнадежный дурак или сумасшедший. Я видел, как подбивают вражеские танковые пушки наши «самоходные крепости», как они горят. Мне страшно очень и очень хочется отказаться от своей затеи. Но и не меньше мне хочется побывать в смертельно опасной шкуре танкиста. С чужих слов я никогда не напишу того, что могу увидеть своими глазами, почувствовать своим сердцем».

Дальнейший путь Александра Авдеенко можно проследить по заголовкам очерков и корреспонденции: «В Сандомире», «На Западном Буге», «Танкисты за Вислой» «В Карпатах». Был Авдеенко и в Берлине, и в Праге. Успел побывать и на Красной площади, увидеть Парад Победы и написать о нем.

Много фронтовых событий осталось в записной книжке и дневниках ветерана-писателя. Но в своих воспоминаниях он неизменно возвращался к очерку сорок третьего года, изменившему его судьбу.

«После того, — писал он, — как был напечатан этот мой очерк, у меня в душе не бывает приливов и отливов, хорошего и плохого настроения. Я постоянно на предельном подъеме. Мне всегда и везде хорошо. Я всегда полон энергии и бешено работаю».

Это и понятно — «Искупление кровью» означало его воскрешение из небытия и возвращение в писательскую семью. Заметим, что Авдеенко был заново принят в члены Союза писателей, а в 1944 году — и в партию, но и здесь стаж — с 1937 года — ему не восстановили. ...А на свидание с Магниткой, родиной юности, Авдеенко вернется в первой половине 70-х годов. Впрочем, это тема отдельного рассказа.

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
АНАТОЛИЙ ИОВИК.

Дудочка, музыкант и птицы

ЗАКОН ПРИРОДЫ

В КАБИНЕТЕ НА СТОЛЕ лежала дудочка. Ничего особенного. Просто лежала.

И вот однажды утром открылась дверь и в кабинет вошел Музыкант. Ничего особенного в нем не было, и одет он был как все, только настроение у него было хорошее и он улыбался. А за окном цвели цветы и пели птицы. Музыкант увидел дудочку и взял ее в руки: ничего особенного. Обыкновенная дудочка. Он поднес ее к губам и осторожно подул. Дудочка вздохнула, и прозвучал ее голос, нежный и чистый, как весенний ручеек:

— До, ре, ми, фа, соль...

Недалеке откликнулись птицы, и постепенно зазвучал целый оркестр. Музыка сначала звучала осторожно, словно нащупывала тропинку, потом

оркестр зазвучал уверенно, слаженно и проникновенно.

Музыканту казалось, что от его музыки мир вокруг становится светлее. Но это над землей поднималось Солнце. А оно встает независимо от настроения и времени года.

Когда наступила осень и подул холодный ветер, с деревьев посыпались листья, словно нотные знаки. Стан птиц потянулись к югу, и Музыкант увидел, что он остался один со своей дудочкой. И ему стало очень горько. Но в том, что птицы улетают в дальние края, никто не виноват! Это закон природы.

Только знаете, когда я иду по улице и слышу доносящиеся из открытого окна звуки до, ре, ми, фа, соль... мне становится интересно: это играет Музыкант или ребенок репетирует гаммы?

МАРИНА ЛУКАШЕНКО.

